

Опубликовано в журнале M-HOUSE MAGAZIN № 7-8 2002

Алексей Дэлль-Василевский

ПРО КРЮЧКА,

ИЛИ

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ФОКСТЕРЬЕРЕ.

Монолог зама по идеологии сводного казачьего Саратовского полка.

(Голая правда).

Генералу Каракульке, мастеру «казачьего КИН-ДО»

Он ху(ПИСК)ярил лосей, отстреливал браконьеров, ссылаясь на Хема, и заявляя, что Олдридж – говно.

Зам. по идеологии.

Это было в бытность правления казачьего атамана Саратовской губернии Николая Ремардовича Каракулько, имевшего в отцах так же генерала, правда, от артиллерии, славного охотника.

Что до нынешнего дня, так сегодня, Николая выпускают из Паницкой тюрьмы, что в той же Саратовской губернии, и является все эти восемь лет, пока он там томился, образцовой: «только для белых», хоть Коля сам - дальтоник.

Что до охоты, то от отца родного Николай Гордеич и приобрёл эту явную страсть: так же рано он ушёл в лес, бросив мединститут, вместе с его профформалиненным моргом, ибо покойники его возбуждали.

В лесах Саратовской Губернии, как всякому известно, где постоянно видят снежного человека и проистекала наша казачья жизнь.

(Что касается снежного человека, то вот вам его адрес: Новобурасский район, место называется «Шестая бригада», мне его показали два двоюродных брата татарина, в своё время торговавшие «силосом» прямо с трактора, и я видел следы: они больше следов Бригадира, о нём позже).

Дичи там видимо-невидимо, ибо место это на Волге такое, куда за всю его семисотлетнюю историю не высадился ни один святой старец,

путешествующий, как известно, с концертами. Уже в двадцатом веке, был с гастрольями один якутский шаман, который бил себе в там-там, и пел одной местной шлюхе, которая всё время сидела в первом ряду: «Увезу тебя я в тундру».

Как уже говорилось, я был у упомянутого Коли Каракулько, вот уже восемь лет как томящегося в застенках, замом по идеологии, и приглашен был им же в день большого казачьего переворота, который состоялся в концертном зале «Россия», во всё том же Саратове. На следующий же день пошили мне форму, купили шашку, пришили кокарду с двуглавым орлом, и начали мы это дело отмечать.

По кавалерийскому карабину «Сайга», уже было, правда, со временем Губернатор патрон 7,62 на 39 мм запретил, но это наше казачество уже не колыхало: Атаман затосковал по воле;

Кинжал фамильный я к тому времени имел – предок мой служил вместе с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Предок же мой по линии Василевского, отбив этот, чистого серебра, трофей, воткнул неприятелю (хорошее слово – неприятель!) прямо в жопу. И так тринадцать раз, ибо считал эту чёртову дюжину – чистой панацеей.

Сначала о казачьем перевороте, выиграл который, Коля Каракулько, пример для подражаний, светоч нашего лесного братства, которое – в тридевятом царстве, раньше про него никто не знал, а теперь уж и нету его. Победил человек, с виду ничем не примечательный, только в бороде, да золотом пенсне, щупленький такой, но бывший боксёрчик. У нас вообще, в казачестве, каждый в своём роде мастер, образец для поколений, человек, который, достиг седьмой степени самосозерцания, то есть – круче некуда.

Переворот наш казачий был в чём-то даже более зрелищен, чем шоу этого летающего импотента, потому что мне один наш казак сказал, он и сейчас – изобретатель: после таких полётов не стоит, а дальше пошла чистая наука, ну что ж, с безбожниками так и надо. Ибо: Наш, саратовский переворот, не помню какого года, был на самом деле красочным спектаклем. В этом единственном на весь белый свет спектакле всё было взаправду. На самом деле, двум людям в этом зале – мне, заму по идеологии, и нашему полковому батюшке, Данилычу, было ясно, что всё это был натуральный фарс. в котором театр «ЗА» сценой смотрелся теми, кто участвовал, в зале же сидели те, кто понимает, включая командировочных «на воле», и дышит свежим воздухом, и в прямом, и переносном смысле, кто, конечно, врубился.

Предыдущего генерала где-то под Ростовом на казачьей же сходке, передовая коалиция нашего сводного отряда отоварила пустой бутылкой из-под шампанского «Абрау-Дюрсо», которое туда привозили спонсоры прямо с завода из Новороссийска цистернами. Давайте поклянусь на этой пухлой книге, которую никто из наших не читал, ибо я как был замом по идеологии, так им остался.

Дело даже не в Атамане, и не кто я такой и каким образом я попал на эту смену власти, как таковую – ибо то была её вселенская модель. (Смены власти). Сказ пойдёт про то, что был у нашего атамана фокстерьер по имени Крючок, и жил этот Крючок так долго, что замучились, считать, и помер вчера, что удивительно, сам по себе, то есть на собственной коже (шкуры у него давно не было), подписался под старой доктриной: кто дал, тот взял.

Крючок был настоящий боец, и поэтому историю его жизни и смерти я постараюсь описать правдиво. Данное обстоятельство и позволяет мне писать эти строки в никуда, ибо тот, кто разбирается в собаках, тот поймёт. Имеются в виду охотничьи собаки, и без этих, знаете, легавых с сеттерами. Хотя, я знаю одну бабу, она работала кассиром в Саратовском обществе охотников при Губернаторе, так вот был у неё спаниелька, по кличке, то ли Тубрик, то ли Тузик, ну а потом, как полагается то ли «Ван что-то, то ли что-то «Фон». Так гонял этот Тубрик в лютый мороз здорового лисовина – по острым камышам. Да голос, такой имел, не из тех, за что настоящих гончих стреляют, а глубокий, даже башуристый (да и баба, надо сказать, тоже хороша). Так вот, тот спаниель то ли Тузик, то ли Тубрик, который был не хуже одной таксы егеря посёлка Красный Октябрь Ивана. Она у него раненого в жопу секача, прямо в огород загнала, и у него был такой пятак, что всем своим видом показывал: сожрите меня все до одного, но только избавьте от это суки. Так вот, спаниэлька той бабы (Юля её звали, то ли Света. Ни хрена не помню, но могу узнать), была сожрана этим самым Крючком. Как раз в тот момент, эта самая то ли Юля, то ли Света, завязала тому уши на затылке, и принялась травить в «П» образной норе барсука. У этой то ли Юли, то ли Светы, одни уши в руках остались, а Крючок наш посматривал на эту самую хозяйку, ну там было на что посмотреть, у меня то же губа не дура, да и у Атамана, да и у Бригадира, о нём подробно – буквально через минуту.

Представьте, нашего зверя звали по-русски: Крючок, ибо был он весь скрюченный, но знайте: все те, от кого он весь скрючился, если сами не загибались, то им потом всю жизнь крупно не везло. Потому что был наш Крючок заговорённый. Наш заговорённый был собака, похожая на карликовую свинью. К тому моменту, как я застал этого кобелька, и провёл с ним в компании несколько прекрасных лет, ему уже было, судя по метрике (он ведь, между прочим, тоже имел какое-то настоящее имя, совершенно не свойственное земному имиджу, породистый был, падла), лет пятнадцать. Что для собаки, которую, судя по рассказам Бригадира, раз в полугодие полностью сжирали волки – приличный срок. Атаман ещё мог соврать, да чего там, врал он постоянно, а этот говорил редко. Но если говорил, то куры неслись – мужскими яйцами. А собачья метрика не врёт, там всё есть, и прапрапрадеды, и отцы с матерями. Слева – владелец, справа заслуги, так точно-с, у меня в кармане парадного кителя всегда найдётся лишняя родословная, вот, вынимаем, читаем – прямо подряд, что за имена!

Громыхаило, Убиваило, Вредило, Говнило, Шило, Мотовило.

Прямо, как сборная СССР по хоккею, правда? Был там ещё и Репс, но этого бы в казачество не взяли за одну его фамилию, а вот этого самого Громыхаило извёл Крючок, а выжлец был – потомок Глебовских собак.

А вот от матушки – к бабушкам: Шило, Убойка, Флейта, Физда, Мечта.

Вот русский псовый дайджест наших отечественных гончих и борзых пород – и если бы человеческие браки устраивались с такой тщательностью, как у тех пород, где важен не только экстерьер, то не водилось бы в России такое количество дебилов.

Кто сказал: «собачий век короток»? Кажется, великий австрийский зоопсихолог Конрад Лоренц в своей документальной повести «Человек находит друга», про него нам на сходке Атаман сказал, у них в школе была какая-то нимфетная зоологичка, которая двинулась конкретно на дарвинизме. Он нам рассказал про эту самую зоопсихологию, свойственную, как видно, не только русским, когда его, Атамана Николая Каракулько, в Саратовской губернии родной сын Гордей смазал по морде каким-то говном, прямо на сцене дома культуры, при всём честном народе.

Крючок-то и не дожил. Помер Крючок. Казаки неделю уже как керосинят: Атамана-то только из тюряги отпустили, только он в чистое небо проорал, что рубить будет каждого черножопого, что прокрадётся в столицу, сперва Поволжья, а потом и всего, что только есть (отступить некуда, позади Амстердам, иногда орал: мол, не отдадим культурную столицу»), так Крючок и помер. От разрыва сердца.

Во-первых, он увидел какой-то Колин знак, который тот выколол себе в зоне на грудях, и ещё потому, что счастлив был по настоящему. Иметь такого хозяина, который послал специальный отряд головорезов (это были те ещё времена, на святой Руси, задумайтесь об этом) которые попутно заскочили в Чуйскую долину, раскидали ментовские трактора, накопили по чемодану, а потом заскочили на сход в Ростов, и разбили бутылку о конкурирующий череп.

Между прочими, иметь контуженного на объединении всех казачьих полков мужика – и увидеть его через восемь лет, когда это были годы скитаний по области, в которой каждый уважающий своих собак охотник мечтает утопить тебя, похожего на карликовую свинью, в человеческом, но всё ж клозете, тут не сдюжишь.

«Во прётъ, так прётъ», - как один наш егорьевский кавалер говаривал: эксперт по русским пегим гончим. Он рыдал, когда мои выжлецы гоняли. Гобой с Журайчиком – их уже нет с нами. Они этого самого Крючка единожды чуть не разорвали на две части, подумав спросонья, что это в избу зашла белая горячка, но это по молодости – им тогда по году было, так вот, выжлецы мои сгорели гораздо раньше Крючка, и всю жизнь об этой попытке покушения жалели, потому что атаман их невлюбил.

Первый раз я понял, что Крючок этот, что называется «непотопляемый». Когда он, на моих глазах, под моим же, что называется, «изумлённым взглядом», сослепу запёрся в самый центр трапезы, которую устроили все тридцать собак

егеря нашего, потомственного крепостного графа Шереметьева по имени Федя, в усадьбе которого мы бригадой бичевали.

Свора состояла из ворованных русских гончих пополам с обдичавшими лайками, которых Федя кормил бараньими рогами – раз в квартал, когда на ферме резали овец. Свора Федина, однако, на этот раз она напала, что называется, на «кичу»: собачки заскочили в кузов «ГАЗ-66», где было уже порубано и уложено по мешкам пара лосей, тех, что отстрелили по лицензиям частных азерботских ресторанов, Атаману известных. Что они там делали – известно что, жрали. Так вот Крючок, эта мелкий, облезлый подсвинок, запёрся в самый центр трапезы, расталкивая изумлённое зверье. Невольно охренеешь, когда у тебя из под носа уводят кусок больше самого, а тебя, злого и голодного, как будто и нет на белом свете, и белый свет чернеет.

Так вот, я из дому вышел на мороз, и лично видел, как струя замерзала под ногами, и полуночная луна светила мне на глаза этой своры. Они разом бросились на Крючка, но тут и отпряли, поджав хвосты. Подворачивается эдакое вот говно, и жизнь не мила. Ушли потом цепью – на гору, - я сам видел, не видать было только, что с ними дальше было: не видел их больше никто. Бригадир мне наутро сказал, что такое же поведение у собак бывает, когда они нарываются на лисицу, что жрёт падаль: она так и называется падальщица.

Я так думаю, что Крючок за свою «короткую» жизнь и «Педи грипаун» пожрал, а много кто из наших до таких кормов не дожил. Так что падалью он в жизни не питался, даже ещё до моего прихода в войско: напомним, я тут зам по идеологии.

А Бригадир, тот и вовсе, как-то лично забросил Крючка из салона нашей «Скорой помощи», переделанной в «Смерть браконьерам», равно за год плюс одна неделя до того, как снова нашли. Сидел он, говорят, на том же самом месте, и рожа у него была такая, типа: что, охотнички, вашу мать, вы думали, вы эту жизнь знаете, как я? А кто, в самом деле, знает - ведаёт, где он был и чем занимался всё это время, ровно для того, чтоб встретить нас с Бригадиром на том же самом месте – ровно через ГОД?!

Все эти ягтерьеры, которые считаются круче фоксов, может и темпераментные собаки, но голые по жизни, а этот был голый, но потому что как-то спросонья заскочил в чан с горящим шулюмом. Все были пьяные и спали, и один только Бригадир закинул туда сахарную кость и сказал крючку: «Аборт, падаль». Тот Бригадиру хоть и не верил, но порода взяла своё. Помнится, в тот жуткий день все по вскакивали с мест. Обжаренная паяльной лампой, и после этого варёная карликовая свинья бегала по потолку. И кто-то (кажется, Бригадир), уже прицелился из своего ижевского бокфлинда: мол, чего свинье мучиться, раз уже сама собой сварилась, но Атаман убрал его с линии огня, должно быть, дрогнуло сердце, потому что все увидели знакомый взгляд этих черных, как бусинки, зенок: что, мол, не ждали?

Единственный, кто осудил нас, всех до одного грешных, так это уже упоминаемый недавно святой отец Данилыч несравненный, реинкарнированный

нам в полк – это был даже не человек, как многие говорили, а звучащий как труба ангела, разнообразных склонностей не лишенный, голос с небес. Получалось так, что после прикосновения этого святого старца всем сразу хотелось исчезнуть – до того было стыдно за грехи. (У всякого они есть!)

Его привезли впервые на Колину инаугурацию, он сел за стол, выпил, закусил, и начал свою проповедь, которая льётся, как песня до сих пор. Он сказал:

- Казаки! Я заметил: многие крестятся от брюха ко лбу, а потом слева направо. Сделайте всё, как надо, то есть наоборот, и возносите при этом очи к небесам: там Господь, и он услышит вас.

Потом добавил:

- смех смехом, а кунка, как грится, кверху мехом!

Что до того случая, когда Крючок сварился, да только в качестве того молодца, что после пошёл в альков на свидание с невестой, ибо единственная живая тварь, что не покаялась перед Данилычем в грехах вольных и невольных, был Крючок.

Вот вам следующий гражданский подвиг этой знаменитой собаки. Как-то Бригадир сказал (он в гражданской жизни механиком в гараже этой самой скорой помощи работает, а в прошлом известный ватерполист, потому по ночам в прорубях бобров по сорок кило, нырнув на семь с половиной метров (там глубина такая) при свете фар, вынимает), что фокстерьер, мол – это норная собака. Лучше бы он мне этого не говорил, потому что подвернулся нам как-то Крючок, мы посадили его в мешок, предварительно поймав в петлю, и пошли пешочком к ближайшей норе: там казаки приметили сурка, который до того разжирел, что не всегда задницу со входа убирал. Но на этот раз нора была свободна.

Мы вытряхнули нашего фокса – нашу норную собаку, из мешка, но собака та, как только увидела нору, паскудно заскулила. И полезла в мешок обратно. Бригадир сказал, что Коля его обычно в нору прикладом заталкивает. Я разрядил ружьишко и вытряхнул Крючка в нору, тот, хоть и без зубов, но чем-то прокусил мне сапог, но Бригадир помог. Наставил на Крючка свою фузею, которую всегда носил только на веревке, чтоб, наверное, было на чём удавиться от жизни такой, и тот зашёл в нору задом, выставив левую лапу вперёд, а второй прикрыв жопу. Потом была тишина. Мы с Бригадиром уже прилично перекусили, и даже уже пролили слезу, вспомнив о том, что миром правит измена. Как вдруг тот тряхнул свой кудлатой, в репьях, бородой, и вспомнил, что Коля (Атаман наш, с которым «любо, братца, быть»), всегда стреляет вслед Крючку. Что б тот, стало быть, не спал, а как следует, сработал.

- Куда ж Коля обычно стреляет? - спросил его я.
- Прямо в нору, - ответил Бригадир.

Ну, мы, попалили. Всласть. Прямо как в романе Дж. Олдриджа «Охотник», про который Атаман наш всегда говорил, что там – сплошное враньё. Мы с

Бригадиром встали в редут, и ну патроны жечь, и всё из нарезного оружия. Окоп взрыхлили. Аж уши заложило, а потом вспомнили: как там наш герой.

Герой же выскочил, как всегда, на чужой заднице. Там оказался здоровенный барсучина.

Следующий подвиг Крючка можно с уверенностью сказать произошёл, с позволения сказать, под патронажем Бригадира ибо я ему сказал как-то:

- Борода! (так иногда его звали). - Из нас двоих – я нервничаю за будущее наше, ибо политрук.

- А Данилыч?!

- Он молится за нас. В этом меняющемся мире приказать нельзя сердцу и заднице.

- Это как?

- Жопе не прикажешь.

Тут до него и дошло, в чём разница между кадиллом и идеологией.

К слову, таких монстров, как Бригадир, вы не встретите больше – вымирающий вид. Наш с ним охотничий дуэт был, как танго – говорят, что это чуть больше, чем секс, и чуть меньше, чем жизнь – пока сам не пойму, в чём разница, - никому не поверю.

Наша игра с Бригадиром происходила всю жизнь, ибо я играл всё в той же ватерпольной команде, как юноша, а Бригадир – как мужик, и уже тогда носил густую чёрную бороду, и был похож на вурдалака. Я ему и сейчас частенько вспоминаю те далёкие времена, когда получал от него затрещины, у него же в то время был вид Оззи Осборна, которому бросили на сцену летучую мышь, он думал, что муляж, и откусил ей голову. Потом он делал себе сорок прививок от бешенства, сразу после этого он давал благотворительный концерт где-то там в Уэмбли. Незадолго до этого Шэрон повела его под венец, и велела выпустить три белых голубя, он же третьему откусил голову. да и здесь, в столице нашей Родины Москве, Оззи ходил по микроминисупермаркетам, и откусывал бошки всем имевшимся там Барби.

а мне думалось: чего ж он с собой делает, бедный ты мой мужчина, ведь какие две песни написал – одна из них про маму.

Так же и Бригадир – имел внутри трепетное сердце, а корчил из себя людоеда, хотя больше всего любил те времена, когда степные цветы озаряются золой марихуаны – её палят те, кто потом моется в адской бане.

Однако настала ночь 13 октября нового столетия, всплыла луна, завыли волки, у Бригадира начался запор, сын Егеря накормил всех наших собак рубленкой (гвоздями – шляпки отдельно) только за то, что они сожрали его любимого кота, однако Крючок этой трагедии не коснулся, ибо пребывал на блядках. Там же, на блядках, он и нарвался на сыночка бывшего крепостного Фёдора, того самого, который рубленкой собак наших накормил. Лучше бы им было не встречаться. Ибо то был сын собачий, а то был сын человеческий, но родился вырос в кроличьей норе.

Нора та пребывала на суше, омываемой со всех сторон водой, то есть прорыта была на острове, что носил гордое имя – Колтовской, но все, кто бывал там звали его Колдовской, ибо жили там колдуны. Он пребывал между городишкой Воскресенском - с Севера Волги, Великой реки русской и городишкой Марксом, на лето туда меня вывозили в пионерские «лагеря», да и папа покойник покупал там, у коммунистов водовозку жигулёвского пива, а под это дело ловили по лайбе раков.

Боже, что за место, этот остров Колтовской! С севера – это плоский песчаный мыс, куда по осени прилетали огромные стаи гусей, а меж ними, как в сказке Пушкина, плавали по пять – семь пар белых лебедей. За мысом стоял огромный дубовый лес, до человеческого роста абсолютно белый, потому что по весне там стояла каждый год ледяная волжская вода, та самая, в которую мы прыгали с голыми огузками прямо с верхатуры – как раз напротив Колтовского, как раз на Колину инаугурацию, которая обставлена была не хуже губернаторской – и водяра рекою лилась.

На правом берегу Волги и пребывала упомянутая баня с единственной на тот день проституткой – её привезли из Воскресенска; нет, вру была ещё одна: её привезли из Маркса, - это вниз по Волге, и уже на левом берегу, (левым он зовётся, потому что нет так крут, как правый – все под Богом ходим, только мы с шашками, ибо казачье войско, а все остальные – как хотят).

На реке Малый Караман я и вырос на брюхе взрослого кобеля породы «Боксёр», по имени Атос. От того и полюбил так страстно собак – с самого детства. А теперь вот – зам по идеологии у самого казачьего атамана Саратовской губернии Николая Гордеича Каракулько, про которого все знакомые охотники всегда говорили: держись от него подальше, а как его промеж себя звали – так это не для всяких ушей.

В средней части Колтовского острова пребывала саванна, с желтым песком, и редким кустарником – на небольших холмах, где косули с пятнистыми оленями паслись, как в Раю. На юге – артель рыбаков, колдующих при Луне, куда Диму, мальчика Федора – потомственного крепостного, привезли как-то, да он предупредил всю артель, что проломит голову каждому (матом он не ругался), кто не даст ему червонец, так атаман Артель отмазал.

Атаман, кстати, и правда, с виду, вроде как обыкновенный мужичёк, только с линзами (– 5) на старомодном пенсне, но с усами и бородой, а когда он надевал генеральский мундир, так весь преображался. Только вот меч он носил японский, под названием «катан». Ровно пятьдесят процентов сбора от черножопой торговли города Саратова – культурной столицы Поволжья уходило на визиты в наш спортивный клуб, где возвращалось новое, на этот раз боевое поколение, мастеров КИН-ДО, так что если у меня, взгляните, мадам, и нормальная казацкая шашка, то машу я ей в японской манере.

Я нарисую его вам, нашего любого Атамана по кличке Ебанько, хоть и не живописец, в свободной манере Великого Мастурбатора, того самого, который

сказал про панков примерно то же, что и Коля говорил, брея им хохолки – своим острым, как бритва, средним японским мечом:

«Нам выпало жить в гавённую эпоху, а они хотят быть гавённой самого говна».

У Коли с правого боку кобура – там висит маузер, да, тот самый маузер, с которым скакал на рыжем мерине бывший артист Таганки Володя Трещалов, игравший Сидора Лютого в «Неуловимых мстителях» – все бабы по нему с ума сходили боку. С левого боку – пистолет некоего Стечкина, о котором мечтает любой «краповый» берет – эта хреновина палит очередями. За спиной висит у него СКС, видно не со спиленными стволами, что плюют хуже дробовика, а нормальный армейский карабин, только оптика у него: половина бинокля, но бьёт так, что все поражались – парень из мединститута, а какой садист.

Так вот напомним тем, кто только что открыл, и наслаждается этой книгой жизни, Крючок, этот титулованный фокстерьер, встретился с мальчиком Димой. В этой рыбацкой артели, где мальчика этого всё живое панически боялось. Взрослые мужики, приехавшие на Колтовской поохотиться, боялись даже после смертельного количества водки. Ибо если кто Диме не нравился, то к тому Дима ночью подкрадывался, и проламывал молотком башку. Напоминаю, ибо сам с контузией: это он всю оставшуюся половину дня посвятил рубке гвоздей, хоть и самому вчера исполнилось полных года ТРИ, ан уже во всю соображает: этот мальчик никогда не матерился, но подбирал слова так, что они звучали хуже матерных.

Димка родился в пасхальной фуфаечке, в которой перед ним, как будто, уже кто-то «проторчал» лет тридцать, хотя при рождении этого младенца столько ещё не давали.

Так вот: разошлись они с Крючком. Они как будто не заметили друг друга. Там у нас по Колиному приглашению отпивался один «пират двадцатого века», так он сказал про эту пару так: «Два этих мастера скорее сгорят на месте, чем начнут биться. Ибо такой поединок нереален: земля сгорит под ногами».

В той же при мерно манере говорил мне, своему заму по идеологии, казачий Атаман, дескать, ты, как зам по идеологии, философ, а я воин – избранный Атаман. Спокойно так скажет, что равносильно пристального взгляда бешеной собаки – по Лоренцу это не предвещает объекту ничего хорошего:

- Кто здесь из нас Ебанько – он спросил, - ты или я?

- Ты, конечно, - с достоинством отвечал я, ибо был есть и буду – зам по идеологии, а идей до и больше.

- Да у меня, таких как ты, целый полк был, только вменяемых – временами. Да ты хоть что-нибудь про Чапая знаешь? Он же саратовский, и расположение ихнее, ста годами раньше, белякам сдал обиженный крестьянин, потому что усатому (его так звали) его баба подвернулась, а тот вытер кнутовище о член, и такое стал говорить: «К Ленину еду!!!»

Что до Атамана, то мы все эти разногласия друг другу как бы прощали, впрочем, это уже широты, Создателю известные, ибо мы охотились, а стало быть, дышали.

Дальше – провалы в памяти, но вот он, то ли третий, то ли четвёртый подвиг Крючка.

День, как всегда, начался, с одиннадцати часов утра, когда Атаман вышел на крыльцо в одних лампасах, перекрестился, за ним возник батюшка Данилыч, в рясе и кресте, помахал кадилом, природа замерла в ожидании, и стая воробьёв, поющая в терновнике, заткнулась, как по команде. Мы с Бригадиром перекрестились и поехали за водкой на многоцелевом автомобиле ГАЗ-66. В котором такая кабина, что если ты ростом выше 170, то колени упираются в приборную доску, а для того, чтобы переключить скорость, надобно развернуться вправо. Тогда обязательно увидишь то, что позади тебя: (а позади Крючок), и дальше полностью положиться на средство передвижения, хотя, как зам по идеологии, должен признаться, по песку он лазает прилично. В смысле, грузовик.

Так вот. Эти строки я ваяю в журнале по режиму нашего полка, только по тому, что привиделось мне: если я всю эту историю немедленно не вылью куда-нибудь, этот поток потом меня удавит. Ибо помню я какой-то телеспектакль, где женщина, рассказывает следователю про своего мужа такую историю, перед этим сдав его ментам за дебоширство: «Он, дескать, нёс меня со сломанной ногой, тридцать кэмэ». Следак переспрашивает: «СКОЛЬКО?!!» «Тридцать», – повторяет жена.

Ровно столько километров мы везли Крючка, привязав его предварительно к бамперу упомянутого уже грузовика ГАЗ-66 на короткий поводок, пока в ночной дороге разливали и закусывали, и никакой мент на нашей территории даже возникнуть не смел, если только по Колиному приглашению.

Звёзды, тепло на руках и ногах, и Бригадир на фоне всего этого безумия: молчит, и говорит молча. То есть передаёт мысли на расстоянии, и кому: мне, заму по идеологии, и Крючок молчит, привязан к бамперу, но все разговоры всё равно ж – не мимо его паскудных ушей. И то, как он как-то перекусил на выставке в Волгограде (теперь Сталинград) элитному псовому борзому кобелю по кличке Беркут артерию, и тот задохся прямо перед медалью, которую так долго хотел; и как доставал нас в Казахстане (тогда ещё территория СССР), потому что всем показалось: вот вход в дом рыбака на берегу озера Саракчиганак, где столько фламинго по весне, что кажется: вот он Рай Божий, так отчего ж здесь люди не живут. А вот и наш Крючок, заплывший через отводной канал в загон, где хозяин, умнейший мужчина, хоть и узкоглазый, на четырёх языках рассказывал заезжим бичам про фламинго. Туристы сюда не заходили – далеко очень от основных путей, но зато сайгаков были – моря, пока державу не развалили, но об этом вообще лучше не вспоминать, слёзы наворачиваются, какая держава была, хоть и для идиотов.

Так вот, жрали мы, закусывали. А потом и поехали ещё за водкой мужикам, да только вёрст через 15 Бригадир меня спрашивает:

- А ты Крючка-то отвязал, Алёша?

Потом мы помолчали ещё минут тридцать, пока я сослепу не вспомнил, что меня и правда так зовут, и сперва хотели назвать Никитой, но отчество у меня немецкое: Рудольфович, так что Никита Рудольфович – это, как мне позже показалось, та самая капля, что тянет на единственный плакат: «ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ ПОГРОМА!!!»

Кстати, забегая вперёд, после этого досадного инцидента, когда Коля, как всегда, вышел на крыльцо, в одних только генеральских лампасах, но с катаном (японский средний меч), и вид он имел соответственно человеку, придумавшего Пирамиды. Звали его Имхатеп, и сколь почитали этого мыслителя в Древнем Египте, и его боготворили даже греки, столь боялись Николая в окрестных лесах браконьеры. Он сказал:

- Помните, казаки, сказку о рыбаке и рыбке? Так и наша жизнь: то день, то ночь.

Мы так и ахнули. Потом, соответственно, вышел батюшка, помахал кадиллом, и потомственному крепостному ловчему Фёдору показалось, что ему в жопу, разом вгрызаются все его собаки, которых он никогда не кормил, и кормить не собирался. Святой отец двигался в ритме англосаксонского заговорщика от невралгических болей: «Гром грохочет, да, гром грохочет, все они на небе верхом скачут. Храбры они были, когда скакали по земле. Могучие жёны...»

(Сам он был с усами, и бородой, всё, как положено). Но я, как зам. по идеологии, тоже взошёл на крыльцо. А когда Николай – избранный наш Атаман, обнявшись с батюшкой, гремя шпорами, проследовал в сени, я объяснил всем, а позже Бригадиру – лично, что, мол, пора бы уже давно понять, что батюшка наш временами впадает в депрессию, и чем он в это время травится – никому неизвестно. Что до Коли, так он контуженный, иначе бы он не носил этот японский меч (по которому ежели какому зловредному чучмеку, по-казацки этак, от плеча до плеча рубанёшь, так сразу найдут), а нормальный полицейский палаш.

Мы достали Крючка из-под бампера отечественного вездехода «ГАЗ 66» с четырьмя колёсами и двумя запасными, и не узнали его: перед нами пребывал какой-то сморщенный огрызок, напоминавший протухшего бройлера, которого сварили в говне, так и не ошипав.

Поскольку, у Бригадира вот должна была начаться «белка» (к нему она являлась обычно в виде бурого медведя), то сразу после речей Атамана, а вслед за ним Данилыча, мы рвались за водкой в сельмаг. Поскольку тогда весь край как бы вымер, то и водку куда-то всю попрятали, ибо готовились к войне. Мчались мы с предельной для данного агрегата скоростью. Так что местами Крючку пришлось перемещаться со скоростью 100-110 км в час, то есть перекрыть все рекорды скорости на суше каким-либо одушевлённым предметом.

Так что наш Крючок, как оказалось – самая скоростная тварь на земле, оставалось только свистнуть понятых и зарегистрировать открытие.

Мы оставили рекорд на совесть свидетелей. Даже бы если мы собрали остатки вменяемого генофонда земли русской с окрестных сёл, то есть креатив, которому (каждому из которых) наш пёс прилично подосрал. То в этой, только что побывавшей в чьей-то нечеловеческой жопе обёртки из-под «Сникерса», временами чихающей, едва ли можно было признать нашего героя.

Мы тогда сначала Коле ничего не сказали, ибо Коля был настоящий самурай, и трактовал его с полухохлацкой – полуяпонской бдительностью. Вымазавши рожу в говне, он уходил слушать пение птиц, или просто побывать в тишине – он брал с собой свой меч, н, и на всякий случай, карабин, поскольку в него много раз стреляли, прежде чем застрелиться самим, ибо Атаман был мстителен. Бывало, он на целые дни уходил бродить по лесу, чтобы в одиночку выследить и завалить какого-нибудь браконьера. А что вы думаете, - отчего к нам вся дичь стекалась?

И поэтому сначала ему ни чего не сказали, потому что Бригадир тогда внимательно посмотрел мне в глаза, а потом размотал Крючка, как заветную пращу, и закинул его на рекордную, как всегда для данной норной собаки, длину и высоту. Ибо, повторяю, играл в водное поло в Саратове в профессиональной лиге, потому зимой за бобрами нырял, одного выволок.

Так что Крючок наш пролетел как раз до трясины, которая в дремучим лесу, где бродят уже одичавшие псы потомственного крепостного ловчего Фёдора Шереметьева (он взял фамилию хозяина), и сгинул там. Бригадир перекрестился и трижды поцеловал свой крест, потом упал на землю (была Луна), и долго так лежал, попёрдывая длинными очередями, ибо думал, что с призраком можно проститься.

Но призрак пришёл через неделю: сам, Коля как раз вышел в одних лампасах на крыльцо, затем он почесал лицо (здесь все не брились целыми декадами) и увидел перед собой эту суперинцестную тюрю, в свете беспощадных, как всё это грёбанное электричество, бригадирских фар. Того же катафалка, на котором Крючок установил все олимпийские рекорды – на столетия вперёд. Ровно один год и семь дней назад сначала по скорости, а потом по длине и высоте.

Герой пребывал в нирване, ибо не было его, была на девственно-белом снегу чёрная от крови, как сопля боевого двоечника, клякса, которая скалилась от радости. Другой атаман на месте нашего, сразу бы стал всех окружающих казаков брать, естественно, на понт, кто угодно, но не Коля.

Что до Крючка, то выжил он, потому что каждая мразь в округе знала, что Коля – это Атаман, а Крючок это атаманская псина, что ставило нашего героя, в двусмысленное положение: не ликвидировать эту собаку означало продолжить жить в ненависти к миру, и взять на себя грех бездействия – по нашим, казачьим правилам, это – один из самых тяжких грехов. Убить её – означало всю оставшуюся часть жизни, общаться с Атаманом, даже если и накоротке, то не

будучи уверенным, что его на чём-то то не перемкнёт, и он не срубит тебе башку, а потом по документам оформит тебя, задним числом, как казака, убитого в схватке с теми урюками, которых на святой Руси, бля, миллиарды, и они, пока Коля, к слову, сидел, построили прямо на берегу Волги заведение (шашлычный комплекс) и назвали его «Святая Русь»). Губернатор на открытие этого элитного комплекса, говорят, плакал, он, наверное, решил что теперь-то и решаться все его проблемы, на самом деле проблемы только начались, ибо теперь, когда я в ночи мараю строки сии, Коля уже вышел из тюрьмы, и пока затаился.

Еще раз о Крючке, пока не забыл, ибо боюсь что пропустить. После встречи с этим псом одна барышня из города пошла в церковь, ибо он как-то Крючок заскочил к ней на нары и впился единственным, кривым, как говорят собачьи дантисты - «премаляром», в толстую жопу Бригадира, убаюкивающего упомянутую барышню. Но это ничего, это ещё цветочки, ибо Крючок заскочил на барышню и сказал её человеческим голосом:

- Тётенька, прими нового охотника, а я тебе потом на гармошке сыграю.

Говорил, конечно, не Крючок, просто с соседних нар уже сползал трёхлетний мальчик Дима. И сказал он с верхних нар своим детским голосочком, который у него был, как нежная струна альты. Крючок же, только рот открывал, да рыгал тухлятиной (забыл сказать: баловался он мертвечиной, ибо ежели видел в поле, скажем, дохлую корову, так бывало, сожрёт её всю, ибо жаден был).

Колыбельную пел Димка. Тут уже упоминалось, что он был некоторым образом феномен. Не знаю, как он их там разводил, - чего он им показывал, но девки потом отпивались, кто чем. Тёток потом в буквальном смысле слова приводили в чувство, хотя никто не ожидал, что наших соотечественниц, хоть чем-нибудь можно удивить.

Однако вернёмся к тому подвигу, когда Крючок пробежал почти Марафонскую дистанцию, под ГАЗ-66, в режиме, как говорят деревенские учительницы с полувековым стажем про оральный секс: «несовместимо с жизнью». Когда Атаман опознал свою собаку, размазав её лайковым сапогом по девственному снегу, он сказал:

- Нашёлся, блядь!

А Данилыч, как водится, окурил его кадиллом, будто он, Крючок, был неверный. Утром этого же дня мы решили: пусть живёт, авось жизнь его чему-то, да и научила, да ни хрена она его ничему не научила, и все прекрасно знали, что друг другу врут.

Ровно неделю Крючок лежал и орал во сне, многие даже пустили слезу, ибо понимали, что такое периодически бывает с каждым из нас, ибо все мы мнили себя героями: вот я, зам. по идеологии. Чем не герой? А на счёт должности, так не было в периметре наших угодий такого субъекта, который не пробрался ко мне ночью, куда бы я не прятался, и, согревая таким перегаром, от которого сначала всегда много слёз, не рассказал мне про свою поганую жизнь.

Потому что если у кого здесь и есть какая-то мечта, то непременно охотничья, от всего ж остального - глючит только под самогоном, потому что на водку денег нет, а жить не хочется.

Как только Крючок отживел, из Саратова приехала одна журналистка, с виду приличная, что б её, стало быть, сводили на охоту, показали её и знаменитого на улице «Большая, между прочим, «Казачья», мальчика Диму, которого мать родила в кроличьей норе. Отец сидел с двустволкой на печи и стрелял в потолок на несусветную свою жизнь – с таким количеством голодных собак и гулящей бабы, конечно, с ума сойдешь. К тому же она была колдунья, и по ночам летала на метле: мы к этому уже настолько привыкли, что даже не стали говорить об этом журналистке, памятуя то, что всегда говорил потомственный крепостной ловчий Фёдор, а потом, не гнушаясь учения собственного народа, и сам Атаман: *«Баба с печи летит, семьдесят раз передумает»*.

В общем, приехала она, журналистка эта, привезла с собой какого-то педика с фотоаппаратом, (Атаман сразу приказал братве занять его рассказами), а потом мы прогулялись на охоту – сфотографировать Крючка при свете дня, летающую жену потомственного крепостного ловчего Федора – во тьме ночной, а так же мальчика Диму (Дмитрия Фёдоровича), который в школу не ходил, и что с ним дальше будет, никто не знал. Страшно, было подпускать к нему каких-либо детей, даже взрослых, стариков и женщин, а так же оставлять вокруг него (упаси Бог) какое-либо оружие, ибо обронённый патрон всегда заканчивался целевым выстрелом, а шашка: непременно взмахом. И если до сих пор трупов на нас не висело, то только потому, что не Дима наш не желал неволи, даже если это будет психиатрическая больница: для созревших в трёхлетнем возрасте детей.

Шли мы, по бережку реки «Медведица», журналистка, Бригадир, Крючок, и ваш покорный слуга, держась за яйца, потому что подолгу не бывали в городе, и не знали, как у них вообще там сейчас ходют, развлекаясь беседами об Экклезиасте, которого я лично не читал. Но вот каждая, я извиняюсь, блядь из города, обязательно завернёт что-то типа «Шопенгауэр», или «Юнг», я тут недавно ткнул кому-то в полку, и попал прямо на десятый том, там вот что было написано тем самым Джойсом, которого никто прочесть не может, но все хвалится, что читали (и Атаман). Но у нас-то юмор русский, а то у нас Коля не Атаман, так что я сказал про Экклезиаста так:

- Все, что написал этот человек, тянет явным перебором, гражданка... (Здесь я поцеловал ей руку), а потом продолжил:
- ...по сравнению с тем, что сейчас вам покажет эта знаменитая собака.

Затея была как всегда проста, но, чёрт возьми, эффектна, как и вся моя идеология: не надо нам рассказывать, где чёрное, а где белое. Это определяется по цвету волос на заднице. (Если всё нормально – ты элита, если нет – то говно).

Я предложил пострелять даме уток на чистых полыньях, ибо бывало уже такое. Сидели они там, жирные уточки разных пород и мастей, правда хрен её потом достанешь, ибо любая более или менее азартная собака при таком течняке может и «уплыть». Но вот Крючок, он, чёрт возьми, при нас, мадам, да будет вам известно, несколько раз в своей жизни был еден волками, собаками, кабанями, затоптан лосями, и утрамбован благородными оленями. Этот герой пробежал как-то тридцать километров со средней скоростью (не будем загигать палку, этот, человек, который идёт справа от вас, его в народе зовут «Бригадир», свидетель), 90, ладно, пусть 85, но километров в час, сударыня. Но дело в том, что собачка эта вон та, что смотрит на всех, как на вечно чужой гарем, горела, варилась, она была обезглавлена, четвертована, её много раз проворачивали в мясорубке, жарили из неё котлеты, но она ни разу ещё не тонула. Но возможно, эта чистая вода примет знаменитого пса в своё лоно, и сей подвиг будет вами воспет. Правда, Бригадир? И возникнет пред вами его грешный дух, запечатлевший вечный момент созерцания, но я докажу вам, что я маг и волшебник. Потому в таком святом войске, как наше, избран единогласно замом по идеологии, потому что у каждого в этом мире своя роль, бывает, что и главная.

- Взгляните на героя. Сейчас мы с Бригадиром обяжем его вот этой прочной веревкой – вот она мадам. И забросим его вон в ту полынью. Потом вы возьмёте вот это арьергардное ружьё, взгляните, мадам, на это старое оружие – это курковое ружьё английской фирмы «Голланд-Голланд». Возьмите его в свои руки, мадам, ощутите мягкость этого ореха, это английское ложе, этот двадцатый калибр. Мадам, я просто хочу, что вы попали вон в того селезня, взгляните, какими глазами смотрит на свою добычу наш герой, наш космонавт, наша живая праща, я вам уже всё взвёл, вы только цельтесь, хлоп, мадам, я поздравляю вас: прекрасный выстрел.

Потом мы обязали Крючка верёвкой, Бригадир размотал его, и пустил с точностью, на которую был способен только он, и журналистка той ночью пошла к нему первому, хотя бабы обычно к нему вообще не ходят, а эта, видно, читала Хемингуэя. И начала с проводника.

Крючок приземлился прямо на едва водящего по воздуху, умирающим зелёным крылом, селезня, и вцепился в него всем, чем только мог, ибо плавать он, в отличие от всех остальных собак в мире, не умел, и потому ходил по дну пешком. Потому-то мой расчёт и блистал здоровым цинизмом, который так полезен, когда имеешь дело с внеземным существом, которое всем до смерти надоело. Глядя на него, я порой думал, что падшие ангелы бесполы, впрочем, как и не падшие, ИБО Я ВИДЕЛ ИХ: у них крылья правое, хоть и белое, но левое – всегда чёрное, и Вселенная – как бесконечные шахматы.

Так что Крючок наш - должен был вцепиться в селезня мёртвой хваткой своей, а на Бригадира возлагалось подтянуть добычу на канате, после чего поцеловать даме ручку.

С бабами всегда всё кончалось банальными утешениями, один раз даже привезли тайских массажисток, Коля тогда вышел на крыльцо, и отослал весь обоз на хуй – мы не спорили, ибо, как уже говорилось, звали его – Эпанько.

Так что привязали мы Крючка к верёвке, Бригадир размотал его, как мог, и приземлил, как уже говорилось, на селезня, Крючок, как уже не раз упоминалось, обхватил его своим кривым ртом, и едва не сглотнул. Кривой рот, говорите? Многие вообще думали, что это насмешка зла, но это был боевой шрам от крысы, беременной от ихнего короля, что жил под крыльцом, на которое ежедневно, сказав этак часов в одиннадцать, выходил Атаман. И всегда говорил одно и то же: «пусть зверь пооблежится, дайте раз в жизни поспать», а вслед за ним дымил кадилом святой отец, а потом впадал в депрессию.

Но сейчас, как изволите видеть, мы стоим на берегу чистых вод, которые, как известно, «в лесу блаженны, а нам приходится быть злыми и страдать». Зрим, как будто это было тогда: вот от Крючка медленно, но конкретно, отвязывается фал, и неумолимое течение увлекает его вместе с мёртвым селезнем, огромным, жирным и зелёным, в быструю кручину коряг, камней, водоворотов, провалов и мелких песчаных мысов.

Буквально через сорок минут, когда мы гуляли по берегу этой реки – уже без «четвёртого», как говорится, лишнего, Бригадир сказал на ухо девушке:

- Ничего, он так долго не проплавает, даже если и не захлебнётся, там, за оторожиной, в кошарях, яма – метров сорок, в ней сом живёт. Он по зорям в свою полынью всплывает: уж он падаль, видите ли, предпочитает, и уж наверняка Крючок умрёт сразу, и со вкусом, потому что у этой рыбы башка с КРАЗовскую покрывку, и пару раз купавшихся не досчитывались, так что не извольте беспокоиться.

Я лично этот монолог не слышал, но в общих чертах всё понял, и собрался было, поцеловать даме следующую от Бригадира руку, потому что левую он уже положил себе на брюхо с призывом услышать своё трепетное сердце. На словах: «вот она, та самая полынья, где сом живёт», мы увидели выпархивающего из-под, абсолютно, в этом месте прозрачного льда, огромного, зелёного селезня. На нём висел, зацепившись единственным зубом, Крючок, и как только вся эта похоронная процессия, проволокалась по январскому льду. Из полыньи всплыла, и правда, КРАЗовская покрывка, да не просто какая-то там средняя резина, а колесо «лапотника», вдобавок с усами, которое ежели по тебе прокатит, а ты, скажем, на «Харлее», так ни хрена не останется, одна только сраная бондана.

Я видел это собственными глазами: волны пошли поперёк льда в разные стороны, а сомовитая эта башка, улькнула обратно в омут: только мы её и видели.

Так что Крючок фактически повторил подвиг Б. Мюнхаузена в проекции на собственный вес. Но, врать не буду, этот траурный тандем так и не взлетел, да только селезня того сожрали в тот же вечер, а Крючок помер теперь уже

позавчера, ибо уже два дня прошло с того момента, как Атаман откинулся, век воли не видать.

Крючок, столько раз, ходил под смертью, что человек это своим утлым сознанием объять не может, ибо у собаки средняя температура 39, а у человека, сами знаете, у кого выше, тот и сгорает, недаром выражение такое есть: сгорела псина! (Это в основном про гончих). И особенно про борзых: «Разъехался, и в пень!».

Тот самый Крючок, известный на всю округу фокстерьер, а теперь и на весь мир, был причастен к высокой политике, а самым последним его подвигом была смерть. Был он великим аскетом, и не только среди собак, и чей дух владел этим щедушным телом, известно лишь Атаману, но повторяю, он освободился только вчера, а Герой уже почил.

Но это так, раздирающий душу крик о помощи – в пользу казачества. Ибо пребывают в нём люди вроде Бригадира, вымирающий, так сказать, вид. Настоящие рукопашные бойцы.

Как-то в осень, Бригадир вылез из-под отечественного автомобиля, именуемого скорой помощью «ОАЗ-452», взглянул на небо, и узнал свою судьбу. А потом опустил взгляд долу, и увидел на единственном, и потому лобовом стекле автомобиля, где раньше красовался, сначала красный крест, а потом уже лысый полумесяц (Бригадир был втайне татарин, просто Атаман об этом хоть и знал, но куда ж ему от нас деваться) следующие, с позволения сказать, «слоганы»:

«Кто обгонит, тот немедленно обосрётся»;

далее:

«Радио 101 «Русское Интернет»: мы с утра выпимши»,

чуть ниже:

всё тот же «Весёлый Роджер», (череп с костями, специально для тех дебилов, что в детстве не читали книжки про пиратов, а мы их только и читали), от того у нас и лодку недавно накрыли в Амстердаме. Она уже была перед этим четыре раза застрахована и утоплена под разными названиями..

Итак, товарищ!

Год девяносто третий с плеч долой, а с ним и голова.

Насчёт девяносто третьего – это точно, набрали мы тогда кредитов, да только на сцене я играл год семьсот девяносто третий, что означало – жизнь героя, это вечная проблема, в основном с бабами.

Так вам и надо за тройную ложь, свободы, равенства и братства»

совесть, и целый полк иждивенцев, - они решили, что теперь мы только и будем, что воевать, и нам не нужны никакие мирные профессии.

В последний раз яхту звали «Фортуна», когда она пошла под арест. Но это – самые грустные страницы. Ибо нет у нас теперь настоящего пристанища, чтоб качаться на волнах. Видать, судьба наша такая – покорять родные лесостепи. Но вернёмся к Бригадиру. Далее в его лимузине писано было кривыми буквами: «**ПОМОЙ МЕНЯ**», как видно было по почерку то рисовала какая-то задыхающаяся шлюха, явно читавшая Стивенсона, да и Конан Дойля – ибо Коля наш по характеру был всё тот же неврастеничный пират Шарки, только с идеей – возродить славянское братство и перебить всех черножопых – так он свой этот невиданный по тем временам проект (времена настали позже, да Коля уже сидел, и выпускать его боялись) осуществлял.

А шлюха, всё это на стекле писавшая, имела, должно быть, в виду бригадирский член, потому что он им вечно на спор мерил уровень масла - в аккумуляторе.

Вот тут какие-то сраные знатоки (убивать надо таких знатоков), какие-то наркоманы, прекрасно знающие, что в аккумулятор заливают кислоту, проявляют ненужную, совершенно неуместную в нашем случае осведомлённость.

Вот, скажем, Бригадиру, безо всякого батюшки, ибо батюшка был грешен, как никто, а так, самому по себе, грезилось что вот он президент, вот он запрещает под страхом смертной казни героин, и левую водку, от которой дохнет не меньше, а штампуют её черножопые – нас, стабильно запойных казаков, стало быть, на нет извести. И он, то есть Бригадир, разрешает коноплю – безо всякой обработки, никакого гашиша, чистый канджибас, и его продают в аптеках, а казна полнится. На него открывают охоту, как на Дж. Кеннеди. Вот у него уже пресс конференция, и он говорит и белым, и писеглазым, и черножопым, - всей этой Америке, что их заколбасили не за Кубу, а за Мерлин Монро. Там была ситуация, - она ему такую песенку на день рождения спела, а он её, падла, на круг пустил. Поэтому Бригадиру грезилась королевские похороны: то он распят, то разверзнут перед своим собственным глюком: медведем, как я уже упоминал.

Или вот где-нибудь сам по себе тонет, тонет, тонет, а вокруг вода, вода, вода, кругом вода, а в ней русалки, – твари эти, какая ж никакая, а всё ж фауна.

Заранее забегаю вперёд скажу вам, те, кто ещё может слышать, ибо мозги людские, по сравнению даже, скажем, с собачьими несовершенны, а уши – где-то рядом. Именно от этого изображения сдали у Крючка последние нервы, а даже не при виде хозяина, которого он не видел долгих лет, и спел свою последнюю песню.

Вот они сидит на подловке – огромный, чёрный кот Муррзик, обнявшись с Дмитрием Фёдоровичем Шереметьевым, кота, естественно, нет, потому что его накануне сожрали мои собаки Габой с Жураем – за что и были накормлены

Димой «рубленкой», завернутой в лисью железу, которую он специально подвесил за уши и грел паяльной лампой ей задницу, что, та, стало быть, лучше испаряла миазмы, зовущие гончих собак к насилию. Потом была сама порублена на куски и наштигована этими самыми гвоздями, от которых должны были подохнуть мои выжлецы, и сгинуть все сомнения – они сгорели позже, и поджёт их Дима.

Вот по сравнению с этим котом, Крючок наш был – полный лох, но об этом – в самом конце, вы только напомните, его зовут Муррзик.

Ребята, с этим котом пока давайте обождём, сами знаете, чем это может кончиться, но с ходу скажу – это примерно такое изображение, что убило Крючка,

Или, как их ещё называют сирены – то есть та капелла, которую Бригадир воспринимал со своих ватерпольных времён, ибо заприметил он как-то одну темнокожею бабёнку – по синхронному плаванию, да только плавала она синхронно – сама по себе, и было всё это – на глазах у изумлённого Крючка.

Да, пришло время и кошмар случился. Бригадир как-то похитил эту диву, и привёз прямо на скорой помощи с новой надписью, которую выцарапали какие-то вандалы. Догадайтесь, что они там нацарапали, эти малолетние преступники, эти дети бизнесменов? Правильно: ХУЙ.

ОН примчал свою диву, свою жрицу, посадил у камина и жестом предложил погреться, но та только дрыгала своими шоколадными ногами и орала, что её уже ищет какой-то браток, что естественно, заинтересовало весь полк – он построился, как по команде – свыше. А она всё пыталась повернуться к нам задом, а лесу передом, сюда, стало быть, на хутор – прямо в голубом полотенце с большим золотистым дельфином, который, судя по виду, над нами издевался и даже как-то очень уж призывно подмигивал. И вот эта Анжела – наше, казацкое достояние, то есть такая женщина произвела в средней полосе точно такой же эффект, как если бы закинуть бабу из того же Череповца, только белую – в центр всё той же Эфиопии.

- Если хочешь знать, техно – это я, - сказала она, а Бригадир уши и развесил. Это его губило и в отношениях с Данилычем несравненным.

Однако, два слова, как говорится, «про любовь»: спросите своего ущербного соседа, хочет ли он негритянку? Нет, не такую, коей пугают честных граждан, а такую, чтоб как с картинки, да чтоб она ещё говорила по-русски и хохлацким акцентом. Маленькая такая, и чтобы звали её – Анжела, можно просто – Анжелика, и чтоб жила она в Череповце, и чтоб папа у неё был – вождь племени Валав, а мама – бывшая киевская шлюха.

Откуда я знаю?! Она что обзванивала меня по дням и ночам, из этого долбанного Череповца: где моя доченька, я тебе, гад, все зенки выцарапаю?! Не хочет такую ваш сосед? А я захотел.

Правда, в момент общего душевного кризиса, (соглашусь с теми специалистами, которые оценивают общее состояние полка, как среднюю температуру больных – в морге). Да, дорогие мои, и со мной случился кризис, когда Атаман наш, мне, своему заму по идеологии, показал эскиз его роковой наколки, и затаренный на «чёрный день» килограмм картошки (он был последний, потому что удача порой отворачивались от нас). Угроздило можно сказать, в наше-то многотрудное время уродился самураем, да ещё где?! В Саратове! Прости Господи.

А вот и батюшка. Данилыч несравненный. Вот он заваливается на нары, и ему сам чёрт не брат, потому что он заговорившийся не хуже Крючка, особенно во времена, когда он собирал вокруг себя Бригадира, и в запарке учил его, как легче будет попасть в Рай.

Помню, мы с ним сели закусить в на первый день Великого Поста, то выломали себе о дикое мясо все зубы. Но поскольку он был поп прогрессивный, склонный, скорее, к освобождению, нежели к «загрузке» то мы этот факт молча проигнорировали: жрать, кроме мяса, нам было нечего, ибо мы были – охотничье братство, а не крестьянское.

Он говорил, что, дескать, необходимы грехи, от которых всегда можно будет освободиться, и тогда полёт гарантирован – прямиком в стратосферу, а в преисподнюю, только не полёт, а трамплин, а что там дальше – никто ничего не знает. А он как мысли читал, смотрит и молчит. Кто ОН? – Крючок, разумеется, у отца Данилыча zenки к этом времени были закрыты – он пребывал во грехе, он оценивал его, в соответствии с собственным саном, ибо он всегда считал свою миссию чтимой, и потому неизбежной – не было бы сверху заказано, то он бы и не грешил. Единственного, чего он не делал: так это никогда не прикасался к оружию, хотя в молодости играл в ВИА, под предводительством одного татарина, тоже саратовского, звали которого Бари Алибасина, и даже имел от этой самой Алибасины концертный пиджак, надеясь, что он имеет рейтинг наравне с елтоджоновским.

С Данилычем чуть с ума все не походили, слава Богу, что весь этот трёп лица светского с лицом духовным не слышал Бригадир, а то б утратил свой дар – нырять на глубину в ночи, проверять брововые капканы. Бригадир святого отца очень боялся, Ибо тот обладал тем самым даром, который Бригадир постеснялся в себе развить – возможностью проникновения. Кроме того, святой отец умел читать, в том числе и всякие идиотские мысли, об ебле, например. А Бригадир, хоть и городской, больше креста на путёвках с грифом: охотоинспекция, поставить не мог. Данилыч при этом только радовался.

Или вот, ещё один был, взял и ляпнул Бригадиру, типа, ты уже натрахался, дай другим потрахаться. Тоже про этого человека даже никто не вспоминает, на хрена его вспоминать, раз он бросает вызов, а стало быть на что-то рассчитывает, а стало быть – прямой конкурент, а значит – неприятель, и давить его – наша прямая обязанность. Как-то раз на охоте, по-ковбойски так, подув в

собственный ствол, он нечаянно отстрелил себе башку. Или Бригадир ему её отстрелил, я, честно говоря, не помню.

Водки мы тогда выпили немерянно: и все благодаря Бригадиру.

Бригадир сказал тогда:

- Знаешь что, зам ты по идеологии, в жизни каждого человека даётся, пожалуй, только один шанс выжить, - и не бояться больше никогда. И ничего. Так что присутствие возле себя этой собаки я боле не вынесу, ибо у меня постоянно такое ощущение, что меня поимел а жопу чеченский полк. Это, брат, моя философия.

- Философия? Что ж это что ж за штуковина такая? - спросил я, Алексей Рудольфович урождённый Антипов, но машущий шашкой под псевдонимом Дэлль-Василевский.

Тут, как всегда, вышел Атаман на крыльцо, как водится, и выдать своё ночное, пока он ещё окончательно не пришёл в себя:

- Поехать, что ли, к генералу Власову, в рожу плюнуть кому-нибудь, как вы? (Это у него бывает, потому что он по утрам как видел на себе чужие кальсоны, так и думал, что уже сидит).

Но к этому времени мы уже придумали, как Крючка, эту жуть нашу несусветную, извести. Для этого всего-навсего предлагалось изловить в вольере полутонного секача по имени «Вася», то есть того неизвестного в природе зверя, которого вот уже четыре года терзают залётные лайки – на испытаниях, и ни одну до сих пор ещё не нашли, ибо сжирал он этих лаек – на спор, потому что порода эта только с виду такая борзая. Как только эти псы в каком-то колене имеют одомашненную особь, так всей породе хана: мёрзнут и бздят.

К загровку Васе надо было привязать либо коробку конфет «Вдохновение». Которую Бригадир выцепил у той самой залётной журналистки, которая уехала довольная, как кошка, и уволокла на себе своего фотографа, сказав всем, что это личное, а потом вернулась в барак за трусами, и жила с Бригадиром ещё неделю, только охала по своей газете, а фотограф где до сих пор живёт, неизвестно.

Коробку, оказалось, уже охотники поели, поэтому решили просто вылить на Васю целую канистру мёду, которую какой-то лох привёз продавать, да Коля (Атаман) убедил его в обратном.

План был прост, как и жизнь моя среди настоящих казаков, в этом нехитром в свой обстановке Раю. У нас в лесу, каждый сам себе хозяин, недаром Атаман всегда говорил: когда накроешь за разделкой лося коллектив браконьеров, смело можешь наступать – они стрелять не будут, потому что все потом друг друга вложат – но это только в мирное время, в немирное – что один, что два, что три – лучше сразу кидать гранату.

Многие настаивали на версии, что Вася просто разбил себе башку о трактор, который специально загнали на «наше ранчо», ибо Крючок вертелся у него на правом ухе, прямо, как старомодная «клипса», и Вася стал разбегаться и в буквальном смысле «убиваться» о железный ковш. Вся эта картина у одного

из наших, по кличке «Инженер», стала ассоциироваться с агонией его второй тётки, которую он связал по рукам и ногам, а потом утопил в переполненной канализации. Он тогда сантехником работал, то есть ночным (!) инженером-ассенизатором. Сейчас обзавёлся семьей - живёт в лесу, где нет канализации, а стало быть навязчивой идеи можно избежать – это я сказал Атаману, как зам по идеологии, но он в это время «ехал к генералу Власову». Инженер, кстати, вот уже лет пять, как скрывался от правосудия, ибо к тётке он, чего греха таить, привязал и жену, а потом прикрыл крышкой, и плясал на ней твист – при луне. В интересах следствия не называю его имени, потому что не следствие это, а говно, потому что он был в состоянии аффекта. Вон Бригадир свою бочку из под рыбы, вместе с бензином, в коме подарил кому-то – вместе с французскими водными лыжами и ящиком автоматных патронов 7, 62, а потом всё забыл, и решил что его обокрали – полторашку тогда отдыхал Бригадир наш.

Только вышел, а Крючок его встречает. Тот самый Крючок, что уложил по всем правилам Васю, и висел он там – никто не верит, но уж вы поверьте – неделю, с перерывами на отдых, ибо, наверное, поклялся, что пока не сожрёт у Васи весь мёд, ибо, как и все эти вредные мандовошки, он обожал сладкое.

У нас с национальным вопросом всё нормально, просто Коля (Атаман) дальтоник, и не может толком отличать белую жопу от чёрной, поэтому рубит своей китайской шашкой бошки всем подряд. Нельзя его промеж своих прозвали «Ебанько». Выходил он на крыльцо, особенно в полную луну, собирал нас и говорил нам:

- Казаки! А ну вас на (...), всё равно с вами разговаривать бесполезно.

Выходил он, кстати, с оловянной чашкой свежесваренного бразильского кофе, которым его одаривали торгующие в Саратове «звери». Один только факт, что он держал эту кружку, являющуюся идеальным тепловым проводником, обеими ладонями, и даже не морщился, говорит о том, что (...)накулько его прозвали не зря.

Атаман изрубил таки в городе каких-то подозрительных РЭКЭт менов. А те все, поголовно оказались «при делах», да таких, что грянул гром, Губернатор перекрестился, однако Колю посадил, как потом выразилась судья (о, что это была за женщина): «за то, что изрубил в говно».

Если бы это была какая-нибудь совместная боевая акция, тогда бы, конечно, на этот санкционированный отдых отправились все, но Атаман наш был временами склонен болтаться по округе безо всякой охраны, и только потому, чтоб свои ж его потом не стыдили – крутой был мужик, недавно вот вышел: не весь, а из «мест».

Но тогда – всему полку, осталось от которого – хрен да маленько, (кого враги положили, кто сам помер), надо было срочно эвакуироваться (в народе – срочно линять), переменить, так сказать «угодья».

Переехали мы тогда в подмосковный посёлок «Жаворонки». Если от Москвы по «Минке» – от 37 километрового столба, направо, потом мимо лесов, где зимой живут бомжи, через болота, потом мимо автобусной остановки –

налево, и будет перед вами четырёхэтажный особняк из красного кирпича. Адрес его – «Берёзовая 9», там теперь даже медный мемориал есть, ежели, конечно, безбожники не отковырнули, с таким текстом:

«Здесь покойся Крючок «злой», прозванный при жизни сначала кудлатой, а потом – лысой падлой, Друг! Ты помер, как влюблённая баба, с одной стороны, потому что очень любил хозяина, а с другой стороны – от страха перед какой-то сраной кошкой, только потому, что она показалась тебе твоим последним материальным воплощением, но жизнь твоя была одним, большим, и незабываемым подвигом, мы помним о тебе».

Дальше значится список фамилий с именами и званиями – всех, кто скорбил, во всяком случае, если б кто знал, так подписалось бы гораздо больше, а пока - всего тринадцать.

Но это, как говорил наш батюшка Данилыч, когда Атаман заваливался обратно на нары, драть какую-нибудь санитарку, или посудомойку, или пулемётчицу, или ещё кого, заранее выдавая зверью фору – мол, если до одиннадцати не свалите, то я не виноват, а если не свалите – то это уже естественный отбор, ибо зверю нужна интуиция.

Мы в этом особнячке комплексной бригадой снимали эротическое кино, да может вы эту кинокартину и видели. Нет, я там не снимался, и казаки там не снимались, не наше это дело, а, вот, у меня всё в планшетке, я думаю, лет пятьсот назад какой-нибудь пророк за эту планшетку б удавился – здесь же всё, что было, есть и будет. Ну вот!

Полезли мы в это киноискусство не от сладкой, как выражаются итальянцы, жизни, ибо всей своей мобильной, и лёгкой на подъём станицей попали под «дефолт», который устроил этот вредный лысый очкарик, который всем врёт, что у него чёрный пояс по каратэ.

Ну да ладно - помер Аким, и хрен с ним. Как потомственный крепостной Фёдор с чердака орал, когда его собственные собаки решили его таки сожрать:

– Атамана посадили, дичь всю в одиночасье перебили!

Даже басурмане приезжали, и завалили последнего в угодьях Лося - Одинец его звали. Никто из наших не хотел его убивать, ибо не сохатый это был, а, мамонт, да с такими рогами, что в какой-нибудь Германии, всяк немчин, лютер и кальвин, смердящи, яко пёс боярина «мусьём», за такие рога б отдался – без писку.

С нами такого с роду не было, что б гибли за металл. Только за идеологию.

Так что решили мы снимать эротическое кино, чтоб бригада не простаивала. Привезли из Москвы не насильников, кои означены в сценарии, а полудохлых артистишек с дипломами об окончании какой-то «Щуки», но «бэз», как говорят в театрах оперетты «яиц». Да собрали на Тверской каких-то мёрзлых блядей, которых ассигновали за сумму, равную той, за которую в родной Саратовской губернии можно ухайдокать всю большую, в прошлом «Казачью». И что ж мы видели во время съёмок всего этого эротического шоу? Какой-то аферист с задницей шире, чем у того рекордного бобра, учил кордебалет

танцевать в голом виде ламбаду. Потом он (тоже с дипломом, между прочим, нам было написано «Всесоюзный Государственный институт кинематографии»), показывал всем этим артисткам, как можно сосать собственный большой палец именно для того, чтобы сохранить целомудрие, и проигнорировать болтающийся рядом немощный член какого-то солиста театра. В это время все наши выжлецы с борзыми, болтающиеся по дому и вокруг него, вдруг обнаружили, что в доме – неладное, что там – какая-то пошлая оргия, что там – пародия на совокупление, как таковое, что до меня, зама по идеологии, так я скажу:

- Это самое эротическое кино – и есть корень всех бед, оттого и бытовые убийства процветают на нервной почве, когда какая-нибудь вот такая городская свинья учит костромских девок сосать у самой себя палец, когда рядом Бригадир, да ещё ряд товарищей, сидят молча у камина, курят кальян с какой-то местной лаврухой, расстегнув где надо кителя (повторяю: где надо), ибо для нас лажануться перед дамой, даже если она и вынуждена перед камерой у себя самой сосать палец, и бегают греться в баню, где в одиночку грустит Бригадир, не в силах совладать со своим чемпионским титулом).

Вот я и говорю вам, как потомственный казак: уже если вы изводите плёнку, то извольте обратить внимание, что происходит вокруг, и вам сразу станет понятна структура этого хаоса, что на самом деле является самой упорядоченной структурой, ибо заглянуть вам одновременно в каждый отдельный уголок этого огромного дома, так вы увидите Бригадира, который сидит на одном этаже с прислугой, рядом пустым бассейном, в который он вот-вот бросится. В руках у Бригадира его собственная, по выражению тех, кто заключал пари - «кукуруза». Через дверь – прислуга, которую уверили, что пока уехала хозяйка, которая про себя думала, что она – и есть истая порнозвезда, к нам приехало центральное телевидение, снять сюжет про бывшего министра юстиции (освежить, так сказать, в массах то память, а то и вовсе - чистый рассудок).

Так в чём основное различие между тем, что называют в этом мире порнографией, от этой самой пресловутой эротики? Получается, что эротика – это когда сосут палец, а порнография, когда сосут то, что сосать положено.

Что до Крючка, то наш герой, по сути сыграл в Новое Искусство: это он, полудохлый фокстерьер, которому давно уже забыли, сколько и почём, лысый к тому времени, как пушечное ядро, проявлявший признаки жизни и смерти – одновременно.

Только он перестал блюсти весь этот прижизненный официоз. О чём я?! Об искусстве. Короче, Крючок нацелился на ту солистку, а нас, всю эту свору казаков, то есть людей вольных по настоящему возбуждал её голос, потому что у нас была и есть предрасположенность к охоте с гончими, а гончие прежде всего ценятся по голосам. Так думал Крючок, когда прыгнул в окно, и привычным движением впился какому-то опереточному артисту в яйца.

Нет, не было у нашего фокстерьера уже к этому времени зубов. Но он сгодился для другого, и это было его предпоследним подвигом. Эта история предпоследняя, а стало быть – ожидание небытия и есть – наивысшее напряжение в том искусстве, которое вяем.

Полезли мы как-то с Бригадиром на купол этого вселенского цирка – подрочить, что называется «на брудершафт», ибо, по моей собственной теории, (я имею кое-какой жизненный опыт) – всему в этом мире приходит конец, – и в том.

И сказал Бригадир мне такие слова:

- Я недавно по ящику смотрел: там какой-то мужик, который тоже назвал Лоренца великим зоопсихологом, прям, как наш Атаман, говорил, что как только у предков наших завелась собака, так половина мозгов отмерла. То же и у меня, Алёша: я раньше лису хоть с какой стороны света скрадывал, а как эта тварь меня опять сглазила, так полоумным стал, по ночам плачу, а снится мне, что Атаман помер.

Он указал на Север. Там стоял особняк главного фашиста Российской федерации по кличке Жирик, и напомнил мне, что вот уже неделю, как у нашего фокстерьера появилась предсмертная, должно быть, мания – гоняться за всеми проезжающими лимузинами, и особенно: за «Меринами», и лучше – шестисотыми. Причём развивал он при этом неплохую скоростёнку, и некоторое время вполне бы мог засунуть свою гнусную башку под колёса, но, как видно мятежный ангел его, добивался ото всей собачьей войны несомненного результата. И я, как зам. по идеологии, решил поставить под этой одой собачьему безрассудству жирную точку, чтоб боле не сидеть у этого псевдоготического камина, и водить пером по картонке, выделанной под пергамент на этих мягких нарах. Вместо того, чтоб предаваться каким-то утлым по природе своей надеждам на то, что эта собака куда-нибудь, когда-нибудь, да сгинет, то мы должны были поломать эту гнусную цепь пророчеств и святотатств над трезвым разумом.

Так что вместо того, чтоб ждать, я предложил действовать: взять у кого-нибудь заказ на Жирика, обвязать Крючка противотанковыми гранатами, и таким образом взять грех на душу – взорвать фашиста. А Крючка прямо-таки отправить к тем, кто сидит конкретно за Джахад, и сразу после этого куда-то отправляется - за свои же бабки.

Тут Бригадир вскочил, да едва не рухнул – это с пятого этажа, забыв про то, что прямо под нами – на чердаке, стояла задекорированная элементами дамского ивановского белья, циркулярка. Бригадир сказал тогда, заправив предварительно кашне:

- Ты хоть и Фурманов, пардон, зам. по идеологии, а ни хрена не понимаешь, что, взорвав этого человека, мы из разряда народных друзей сразу попадём в разряд народных врагов.

Я моментально внял, на том и порешили: оправили одного местного лишенца, в супермаркет «Детский мир», (заслали казачка, и то, что он привёз, нельзя было назвать гранатами, ибо он нам привёз все китайские наборы.)

Всю ночь мы войском отмечали грядущий праздник последней охоты Крючка, и соблюли все правила. Мы трубили в рога. Мы клялись на крови в вечной дружбе, а под утро устроили танцы.

На утренней зоре мы все, кто мог, устроились на «коньке» хозяйского коттеджа, заволокли туда «мельницу», и передавая бразильскую сигару «Хашасса» от старших офицеров – к младшим, ожидая небесного знака, по которому надобно было пустить Бригадиру красную ракету: тот был потомственный ловчий, и мог запустить Крючка, как надо.

Когда ворота фашистского особняка раскрылись, и оттуда, словно гуси-лебеди, выплыли два чёрных, бронированных «шестисотых», и покатались себе к Минскому шоссе, мы пустили красную ракету, Бригадир распустил сворку, и помахал фокстерьеру вслед. Крючок, обвязанный гратами, пошёл наперерез кортежу. Мы плакали. Мы вооружились разнообразной оптикой и видели сквозь холодные кресты своих прицелов, как это было.

И думали мы, что так уходят настоящие охотники, либо эта падаль знает, что гранаты порожняковые, а потому так резво скачет.

Конечно, он знал, господи. Но видели бы вы, каковая была картина. Крючок выжимал из себя всё, что мог, а два бронированных «Мерина», медленно набирали заданную на случай ядерной атаки скорость. Они действовали строго и технично, но мы-то видели, потому что все до одного были охотниками: там, за этими черными, как у породистого катафалка, стёклами, пребывали перекошенные от страха рожи. Ибо никто из рождённых на этой планете людей никогда бы не смог предположить, что за вами бежит норная собака английской породы, только абсолютно лысая, а на неё навьючено всякое китайское дерьмо, изготовленное в России же из той самой целлюлозы, за которую убивают славное море, священный Байкал. Мы все под прицелом, чего говорить.

Великий Бунин неплохо описал смерть в «Господине из Сан-Франциско», дескать, *«она грубо навалилась на него»*, здесь она, смерть эта, летела и визжала – у нашего героя был настоящий экстаз, который легко можно было назвать, как тот заветный листок: фиговым, ибо был наш Крючок гений перевоплощения, и возомнил себя террористом «нумер один».

Он нашёл для себя, наконец-то, подходящую дичь, действительно стоящий объект для последней своей атаки, хоть и воображаемой, гранаты-то были того, как «дед мороз и лето».

Крючок явно переживал на этом своём прекрасном рывке, каково ему было смотреть на весь этот охотничий бедлам, в котором традиционализм – есть признак класса. Когда приезжие придурки в сорок лет, вместо того, чтобы завязать с охотой, становятся охотниками, причём всегда хреновыми, то это всегда – плохой для нации признак, ибо рулить машиной и кобылой, а так же

стрелять из всех видов оружия, надо учиться с самого детства, иначе потом ты или отстрелишь себе башку.

Всё, что было дальше, нам хорошо с крыши видно, ибо накрыло нас к этому времени изрядно, и увлеклись мы зрелищем настолько, что уже подумывали: а не заденет ли нас взрывом. Все инстинктивно превратились в команду, которой либо присудили штрафной, либо выполняет основную инструкцию про «Поведение солдата в близи ядерного взрыва», то есть, как ему удобней улечься по направлению к эпицентру ногами, чтобы видеть, «куды яйцы полетят».

Мы зрели этот скачущий снаряд под видом малого подсвинка, бритого наголо, этого собачьего камикадзе. Мы видели, как передний «Мерин» ушёл на развилке вправо – прямо к Минскому шоссе, сшибая на пути своём двухдюймовые столбы, сваренные в автобусную остановку – слава Богу, что там в это время никого не было; второй же «мерин», в котором, по видимому, и находился САМ объект столь вожделенной противотанковой атаки нашего Героя, развернулся влево, срезая железнодорожный шлагбаум, как саамский нож пререзает лапландское масло. Нам сверху это было хорошо видно.

Крючок не мог ошибиться – дичь пребывала в той машине, которая едва не угодила под проходящий поезд.

Потом приходил от них какой-то хмырь, с виду солидный, и с оттопыренным пиджаком, как будто он – девушка, у него одна титька, и плещет женским молоком, так ему было и сказано.

Тот, моментально сориентировавшись, что здесь собрались одни «обморозки», - это мы слышали, ветром донесло, мы ж здесь просто дачу арендуем, да хозяйку веселим, а так – птицы вольные; попросил собачку ему продать, на что ему было любезно отвечено, что даже если у него окажутся все деньги мира, мы друзей не продаём, а тем более братьев, и утери эти грязные деньги, петух, на них нет изображения Крючка на руках у Атамана, а других нам не надо.

Вслушайтесь! Ибо, судя по выражению вашей всеобщей героини, леди Каролины Лемм, «Наполеона будут помнить только потому, что он Наполеон, а вас только потому, что вы его, наконец, одолели».

Как это было, все знают: вчера Атаман вышел из леса, с котомкой за плечами, навстречу ему вышел Данилыч, они сошлись в поле, перекрестились и поцеловались.

Что до Атамана, так он – глядите, всё такой же, только ещё больше скрюченный, череп у него брит, зато борода позолотилась (уточняю: не посеребрилась, а именно покрылась сусальным золотом – это он так решил на зоне выпендриться, бают, вроде как перед какими-то пензенскими цыганами). И пенсне у него было в том же стиле, только более, так сказать, доступное народному восприятию. Сменилась прежняя, из золота оптическая система, без которой Колю даже до тюряги никто не воспринимал, как земного жителя, а тем более российского, хоть и много было в нём от русского, а стало быть – он был

как раз из тех потомков «хохлатых» бойцов, которым ни хрена не стоило запендрячить мирный самолёт, только за то, что русские – соседи, и огрызаются на Крым, а евреи – везде, и скоро полетят в космос.

Сменилось его пенсне на трофейные, видно, очки, снятые, скорее всего, с трупа и перевязаны они были на затылке белой некогда резинкой, от некогда чёрных трусов (всё в этом мире беспрерывно линяет), семейных плавок с природной вентиляцией. Коля порвал на глазах у всех, как водится, документ, с неизменным ударением на второй слог, рванул на истощавшей в застенках груди тельник – всё тот же, в котором мы проводили его страдать за полк – восьмерик тому назад. И там мы увидели такое, от чего Крючок, как зенки-то продрал, так сразу и помер – от разрыва сердца, но нам не верилось.

Давеча я в поту очнулся, том самом, который уже успел охладеть, ибо не сон это был, а явь – Фокстерьер приходил ко мне, полковому летописцу только для того, чтобы быть воспетым, по ошибке приняв меня, должно быть, за женщину:

- Я поверил в тебя, но когда я уйду, то тебе придётся испытать то, что испытал я, и как бы ты не леденела, это будет только распалить тебя, так что ты растворишься в чаше этого страшного горя – быть без меня, потому что я – бывший в ссылке за страшные грехи ангел, испытывающий постоянный страх от того, что ты воспримешь моё поведение, как отказ от собственного провидения.

Дальше он закашлял, а потом он подобрался ко мне ближе, и, смеясь мне в лицо пастью, от которой много лет назад балдели все собачьи эксперты, ибо это был хрестоматийный прикус, продолжил:

- И вот ты лежишь, моя любовь, моя жемчужина, мой царственный образ, моя дивная музыка, я столько лет искал тебя.

Потом его как будто срезало на гармонии, которая, только в музыке есть, и он донёс мне ту мысль, которую я не познал, а увидел:

- Я искал тебя столько лет, ты исчезала, уплывала, и когда начиналась весна, я велел привязывать себя к мачте, потому что у меня больше не было сил просить у тебя любви! Столько лет я шлялся по музыкальным магазинам, избивал продавцов и лил соленые слезы, чтобы понять - всему свое время, и ты вернулась вовремя - с нами ничего не случится, и если ты позвонишь с легального телефона, я прочту тебе этот текст, а потом ты станешь морской пеной, потому что у каждой рыбы таковая участь, и меня, слава Богу, никогда не расколдовать.

С этими словами он бросился на меня, как на женщину, а как понял, что не женщина я, а зам. по идеологии, практически Фурманов, а потом сообразил, что уже не Фурманов я, а такой же по сути, фокстерьер, нет, вру, скорее выжлец - русский, да пегий, и пятна эти, как водится, из-за границы, от англичан, зовущихся блаухаундами, или немцами – с хрен знает как, если я, конечно, драхтаар (ну не курцхаар же?!).

Крючок тем временем так сплюнул в сторону как-то совершенно не по собачьи, огрызнулся ртом – полным прекрасных зубов, почесал за ухом которое

было, как на картинке, а не тот жалкий огрызок, которой при жизни его все просто брезговали шашкой отрубить, повернулся ко мне задом, который был не гол, как сокол, а покрыт прекрасной вьющейся шерстью, с идеально расположенными рыжими пятнами на снежнобеложопом фоне;

Это был со всем не тот Крючок, что явился ровно через один год и одну неделю прямо Атаману под пенсне, а Бригадиру – под безжалостный свет фар самоходного орудия «смерть браконьерам». И долго ещё меня не оставляла надежда, что он вот-вот вернётся, и расскажет, где ж он был, и как он, вообще и что он делал весь тот год и одну единственную неделю, после того, как пробежал со скоростью 110 километров под бампером отечественного полноприводного грузовика ГАЗ – 66 ровно тридцать вёрст, а потом явился, под ясны очи Атамана.

И ответил я тогда на основной вопрос, которым я мучился всю эту жизнь, но уж теперь мучится не стану:

В каком виде мы пребываем ТАМ, куда уходим вместе со своими собаками, и вопрос этот травит нас не меньше, чем тех, кого мы, отчего-то назвали братьями нашими меньшими. Хотя кто мы на самом деле – ни один из нас не знает, ибо мы на этой земле интервенты вместе со своими Богами и мыслями, все до одного. И захватчики здесь даже те, кто при жизни оброс собственным нимбом.

Не слушайте, тех, кто вещают нашему казачьему полку, где белые, где чёрные, ведь этот мир сам по себе умудрился опозлать самую красивую заповедь Христа – про верблюда и игольное ушко. Смерть в бою прекрасна не только для людоедов, которые, несомненно, считают себя лучшими воинами. Погодите братцы, мы все тут под одним Богом ходим, на которого все уповаем, но которого никто не видел. Вы что же думаете, что если наши «РАЙКИ», которые, что у вас, что у нас – только для героев? Если там чего и есть, то же самое, которое можно было завоевать при жизни: море жратвы, курева, пойла, и лесбиянки, лесбиянки, лесбиянки.

Мы там все до одного такие, как были в расцвете, только дураки думают, что этот долбаный опыт, который даёт эта сколь прекрасная, столь и хреновая жизнь, никому не нужен. Если в нём чего путного и есть, так это охота, паруса, пальмы, острова, и лесбиянки, лесбиянки, лесбиянки, поля, леса, моря и океаны лесбиянок. Всё остальное может внушать если не страх, то раздражение. И отчего это мы утратили такую хорошую традицию: хоронить с собою лучших своих собак, и куда уходим мы, те, кто шашкой махал, не понарошку, а в натуре. Но мы за это порядочно испробовали в этой жизни говнеца, верьте слову!

Взгляните на небо. Вон они, мы. Псы гончие. Сейчас рядом пролетит комета, и мы назовём её в проостонародье (все мы тут из деревни, как бы она не называлась): Крючок.

Но это ещё не всё, ибо ещё немного, и я бы закончил небесный цикл, и обладаю собачьей интуицией: всю жизнь провёл с собаками.

Однако мир мастеров на этой охоте был бы беспределен, но каждому известно: предел-то всё-таки есть, ибо мир материален. (Так говорят материалисты).

Я скажу: ни хрена. Материален был, конечно, Крючок, теперь он – где?, во всяком случае, после того, как он прошёл сквозь стену, не как классические, «плавающие» нематериальные образы, а натурально – проломив её, и перепутал меня, своего зама по идеологии, с какой-то бабой, а потом и вообще – с некими звуками, положенными на музыку. Мы его больше не видели, а вот того изображения, от которого Крючок помер, повсюду навалом, но на самом деле – оно одно.

Да, да, речь идёт о том самом, кого мракобесы называют «высший разум», а воюющие казаки «Господь БОГ».

Настала тьма, и началась эпоха скептицизма; совершенно черная, как та ночь, в которую все валятся по ямам, и там уже ориентируются по тлеющим бычкам. Мы присели на завалинку той избы священника, которая сгорела, ибо жили в ней черти, что пугали нас по ночам, да так, что взбесилась стая, да ушла на сотню лет – бродить по окрестным лесам; где мы едва не перестреляли друг друга, да и самого святого старца, что у этих самых чертей по святости своей прикурил; тогда мы вышли из пылающей избы (само, так сказать, возгорание*), кинули шинели на снег – там сразу же отпечатались наши тлеющие образы, воздали очи к чёрным небесам,

А потом сообразили, что наш казачий полк, похоже, вечно будет находится в брюхе этого троянского коня, и мы будем вечно сидеть в этой темноте, ожидая трёх дней на разграбление.

выкурил сигару «Черчилль» (бычок), в общем, начал нормальную городскую жизнь, в синем махровом халате, залез в ванну, спел про любовь, лёг в волну, очнулся всё с тем же бычком: только в царствие Аида.

Думаю, быть не может, всё в том же в казацком исподнем (с лампасами), с бычком «Черчилль», и там кто-то пел про любовь, про измену, и варятся здесь все, кому не лень, за измену, и нет никакого греха в этом мире, кроме такового, каков он есть: в натуральном виде.

и за нами – розовый, низкий туман, и котлы, котлы, котлы, и все поголовно – в полосатых трусах с бычками «Черчилль», но огня нема – сплошная декорация, сплошные спецэффекты, и где-то там, за облаками, летит наш Казацкий Ковчег, а рядом – парит стая амуров, розовожопыми стрижами.

Кстати, «и последняя слеза», как писала Марина Ивановна в своей пьесе про любовь, смерть, и маркизу де Помпадур в образе Фортуны.

Был там у нас еще концуцианский кот Маррзик (он отъедал руку вместе с закусью, если кто «гранёный» тормозил, ему, стакану этом, как раз исполнялось шестьдесят), так вот, по сравнению с котом этим Крючок наш – полное говно.

и т. д., и т. п., дальше – чистая психоделика, (а я просил же не заводить молодую гувернантку, вы(ПИСК)ебут же).